

УДК 821.161.1.09

*Третьякова Юлия Константиновна, студент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(СПбПУ),
г. Санкт-Петербург,*

**КОМИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ И РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В РАССКАЗЕ
М.М. ЗОЩЕНКО «НЕРВНЫЕ ЛЮДИ» (1924): СТИЛИСТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье впервые проводится стилистический анализ рассказа М. М. Зощенко «Нервные люди» (1924) с точки зрения риторических приёмов и речевых тактик. На материале текста описаны конкретные языковые средства, посредством которых писатель создаёт комический эффект: гипербола, антитеза, градация, парцелляция, псевдологические конструкции, ирония. Показано, что речевые тактики персонажей и рассказчика направлены на воздействие, а не на взаимопонимание, что и порождает абсурдную логику повествования. Новизна работы состоит в том, что данный рассказ прежде не становился предметом самостоятельного стилистического разбора.

Ключевые слова: Зощенко, «Нервные люди», стилистика, комическое, риторические приёмы, речевые тактики, сказ, ирония.

**COMIC DEVICES AND SPEECH TACTICS IN M.M. ZOSHCHENKO'S
STORY "NERVOUS PEOPLE" (1924): A STYLISTIC ANALYSIS**

Abstract. The article presents the first stylistic analysis of M. M. Zoshchenko's story "Nervous People" (1924) in terms of rhetorical devices and speech tactics.

The study identifies the specific linguistic means through which the author creates a comic effect: hyperbole, antithesis, gradation, parcellation, pseudo-logical constructions, and irony. It is shown that the speech tactics of both the characters and the narrator are aimed at influencing the reader rather than achieving mutual understanding, which generates the absurd logic of the narrative. The novelty of the work lies in the fact that this story has not previously been the subject of independent stylistic analysis.

Keywords: *Zoshchenko, "Nervous People", stylistics, the comic, rhetorical devices, speech tactics, skaz, irony.*

Введение

Рассказ М. М. Зощенко «Нервные люди» (1924) — характерный образец его «коммунальной» прозы. Сюжет строится на скандале в коммунальной квартире: ссора из-за ёжика для чистки примуса разрастается в массовую потасовку, и инвалид Гаврилыч получает удар кастрюлей по голове. За этим анекдотическим сюжетом скрывается тщательно выстроенная система стилистических приёмов.

В существующих исследованиях рассказ, как правило, упоминается лишь вскользь — в контексте общих характеристик сказовой манеры Зощенко [1] или как иллюстрация к описанию его «коммунального» цикла [2]. Специального стилистического анализа «Нервных людей» в научной литературе до настоящего времени проведено не было.

Цель настоящей статьи — выявить и описать основные риторические приёмы и речевые тактики, которые Зощенко использует в рассказе для создания комического эффекта. Материалом послужил текст рассказа по изданию: Зощенко М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. — Л.: Художественная литература, 1986. — С. 44–47 [3].

Научная новизна работы состоит в том, что рассказ «Нервные люди» впервые становится предметом самостоятельного стилистического разбора, а для его анализа применяется классификация риторических аргументов и речевых тактик.

Результаты исследования

Теоретико-методологическая база

Методологическую основу исследования составляют: (1) стилистика художественного текста, опирающаяся на классификацию риторических фигур и тропов [4; 5]; (2) концепция речевых тактик и аргументов в речевой коммуникации, выделяющая логический, этический, прагматический и психологический аспекты воздействия [6]; (3) нарратология в части концепции «ненадёжного нарратора» [7].

Под речевой тактикой понимается конкретный способ речевого воздействия, направленный на достижение определённой реакции адресата — положительной, отрицательной или неоднозначной [6]. Применительно к художественному тексту речевые тактики персонажей и рассказчика становятся инструментом создания комического и социально-критического эффекта.

Псевдологические конструкции как основа абсурдной логики

Одним из ключевых приёмов рассказа является псевдологика — конструкции, которые имитируют причинно-следственную связь, но в действительности её не содержат. Нарратор описывает нарастание скандала так: «Стали они между собой разговаривать. Шум у них поднялся, грохот, треск». Перечисление нарастает, но переход от перебранки из-за ёжика к «грохоту» никак не объясняется. Кульминация подаётся столь же

безыскусно: «Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось». Глагол «подтвердилась» создаёт иллюзию закономерности, будто драка была предreshена, хотя никакой логической необходимости в ней нет.

Аналогичный приём — псевдообъяснение через «конечно» и «оно, конечно»: «Оно, конечно, после гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются. Может, оно и так, а только у инвалида Гаврилова от этой идеологии башка поскорее не зарастет». Нарратор как будто предлагает логическое объяснение (война → расшатанные нервы), но тут же сам его обесценивает: «может, оно и так». Итог подменяет тезис. Вместо объяснения читатель получает констатацию факта о проломленной голове. Это то, что в классификации речевых тактик определяется как переупрощение: сложная ситуация объясняется одной мнимой причиной [6].

Исследователи стиля Зощенко обозначают этот приём как «зощенковскую псевдологику» [1] или «алогичную причинность» [8]. Наш анализ показывает, что на уровне речевых тактик данный приём работает как аргумент к детерминизму: нарратор ведёт себя так, будто все события предreshены и объяснены, хотя никакого реального объяснения не даёт.

Речевые тактики персонажей: воздействие вместо диалога

Персонажи рассказа не столько общаются, сколько воздействуют друг на друга. Их речевые тактики направлены не на достижение взаимопонимания, а на публичное утверждение своей правоты. Показательна реплика Ивана Степаныча: «Я, говорит, ну, ровно слон работаю за тридцать два рубля с копейками в кооперации, улыбаюсь покупателям и колбасу им отвешиваю, и из этого на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками воспользоваться» [3]. Здесь аргумент к труду и деньгам

полностью подменяет суть конфликта: вопрос о ёжике превращается в вопрос о справедливости мироустройства.

Показательна и реакция Гаврилыча на удар: «Пущай, говорит, нога пропадает! А только, говорит, не могу я теперича уйти. Мне, говорит, сейчас всю амбицию в кровь разбили» [3]. Здесь нарратор использует тактику «да, но...»: сначала уступка (нога может пропасть), затем утверждение (уйти невозможно из-за задетой «амбиции»). Критерием остаётся не физическая безопасность, а ущерб самолюбию.

Речевая агрессия — ещё одна значимая тактика персонажей рассказа. Скандал нарастает не потому, что стороны обмениваются аргументами, а потому что каждая реплика усиливает предыдущую. Зощенко изображает это через градацию: «Щипцова, конечно, вспыхнула от этих слов... Тут, конечно, вспыхнула от этих слов Дарья Петровна Кобылина» [3]. Глагол «вспыхнула» повторяется для обеих сторон — это анафора, создающая ритм нарастающей взаимной агрессии. Следствие гиперболически превосходит причину.

Риторические фигуры как инструмент создания комического

На уровне риторических фигур ведущую роль в создании комического играют антитеза, гипербола и парцелляция.

Антитеза организует всю структуру скандала: спокойный быт противопоставлен хаосу, частная ссора — коллективному разгрому. Инвалид Гаврилыч, который пришёл с вопросом «Что это за шум, а драки нету?», оказывается жертвой именно той драки, которую сам же спровоцировал своей репликой — это антитеза на уровне образа персонажа.

Гипербола пронизывает весь рассказ. Откушенный нос — это гипербола последствий коммунального конфликта, доведённая до абсурда.

Зощенко использует её как приём снижения: грандиозный (с точки зрения персонажей) скандал завершается физиологически нелепым итогом.

Парцелляция создаёт ритм нарастания: реплики и действия подаются дробно, короткими сегментами, что имитирует темп скандала и одновременно комически его ускоряет. Дымарский характеризует этот приём как намеренный «синтаксический сбой», воспроизводящий устную речь [7].

Нарратор и апострофа к читателю

Особую роль в создании комического эффекта играет нарратор и его апострофа к читателю. Зощенко использует прямые обращения, создающие иллюзию разговора: «Главная причина — народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится». Это тактика уверения партнёра в понимании: нарратор как бы говорит «мы с вами всё понимаем» — и тем самым дистанцируется от изображаемых персонажей.

Однако нарратор у Зощенко сам является «ненадёжным» [9]: его суждения снабжены авторской иронией. Апострофа к читателю — это одновременно и тактика воздействия на самолюбие (читатель польщён, его считают понимающим), и ирония над самим нарратором, чья «мудрость» столь же сомнительна, как и логика скандала.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Рассказ «Нервные люди» строится на системе псевдологических конструкций: союзы «ну, и», «потому что», «вследствие чего» имитируют причинно-следственные связи, которых в действительности нет. Именно этот приём создаёт абсурдную логику повествования.

2. Речевые тактики персонажей направлены на воздействие, а не на взаимопонимание. Ключевые из них — аргумент к публике, тактика «да, но...», речевая агрессия — превращают коммуникацию в инструмент эскалации конфликта, а не его разрешения.

3. Ведущие риторические фигуры рассказа — антитеза, гипербола и парцелляция — реализуют комическое через столкновение несоразмерных явлений (незначительная причина — грандиозные последствия) и ускорение ритма повествования.

4. Апострофа нарратора к читателю выполняет двойную функцию: с одной стороны, создаёт иллюзию взаимопонимания («мы с вами всё понимаем»), с другой — является элементом авторской иронии над самим нарратором.

Перспективы исследования — применение данного подхода к другим рассказам «коммунального» цикла Зощенко для систематического описания его риторического арсенала.

Литература

1. Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. — М.: Наука, 1979. — 200 с.
2. Жолковский А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 392 с.
3. Зощенко М. М. Нервные люди // Зощенко М. М. Собрание сочинений: в 7 т. — Л.: Художественная литература, 1986. — Т. 2. — С. 44–47.
4. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. — М.: Высшая школа, 1981. — 320 с.
5. Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. — Л.: Художественная литература, 1969. — 504 с.
6. Филиппова О. А. Обучение эмоциональному речевому воздействию : учеб. пособие. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 144 с.

7. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 328 с.
8. Молдавский Д. М. Михаил Зощенко: Очерк творчества. — Л.: Советский писатель, 1977. — 278 с.
9. Муценко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. — 287 с.

References

1. Chudakova M. O. Poetika Mikhaila Zoshchenko [The Poetics of Mikhail Zoshchenko]. Moscow: Nauka, 1979. 200 p.
2. Zholkovsky A. K. Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriya [Mikhail Zoshchenko: The Poetics of Distrust]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 392 p.
3. Zoshchenko M. M. Nervnye lyudi [Nervous People]. In: Zoshchenko M. M. Sobranie sochinenii v 7 t. [Collected Works in 7 vols.]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1986. Vol. 2. Pp. 44–47.
4. Vinogradov V. V. Problemy russkoi stilistiki [Problems of Russian Stylistics]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 320 p.
5. Eikhenbaum B. M. O proze. O poezii [On Prose. On Poetry]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1969. 504 p.
6. Filippova O. A. Obuchenie emotsional'nomu rechevomu vozdeystviyu. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 144 p.
7. Dymarsky M. Ya. Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst [Problems of Text Formation and Literary Text]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 328 p.
8. Moldavsky D. M. Mikhail Zoshchenko: Ocherk tvorchestva [Mikhail Zoshchenko: A Study of His Work]. Leningrad: Sovetsky pisatel', 1977. 278 p.

9. Mushchenko E. G., Skobelev V. P., Kroychik L. E. Poetika skaza [The Poetics of Skaz]. Voronezh: Voronezh University Press, 1978. 287 p.